

Глава I

Монксхэйвен

На северо-восточном побережье Англии стоит городок под названием Монксхэйвен, в наши дни насчитывающий около пятнадцати тысяч жителей. В конце прошлого века, однако, число это было меньше в два раза, и именно тогда произошли события, изложенные на страницах этой книги.

Монксхэйвен сыграл свою роль в английской истории, и в городке бытовало предание, что именно он стал местом высадки лишенной трона королевы. В ту пору над ним возвышался укрепленный замок, чье место теперь занимает покинутое имение; во времена же, предшествовавшие даже прибытию королевы, к коим восходят древнейшие из замковых руин, на скалах сих стоял огромный монастырь, высившийся над бескрайним океаном, сливавшимся с небесами у далекого горизонта. Сам же Монксхэйвен вырос на берегу реки Ди, в том самом месте, где она впадает в Германский океан¹. Главная улица города проходила параллельно реке, а между ответвлявшимися от нее по склонам крутого холма улочками поменьше и самой рекой ютились дома горожан. Через Ди был переброшен мост, по которому со временем пролегла Бридж-стрит, под прямым углом пересекавшая Хай-стрит; на южном берегу реки стояло несколько домов более претенциозного вида, вокруг которых раскинулись сады и поля. Именно в этой части города жила местная аристократия. Кем же были лучшие люди этого маленького городка? Нет, они не были

¹ Одно из названий Северного моря. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

представителями младших ветвей семейств, унаследовавших титулы и поместья на краю диких, мрачных болот, кои подобно морю отделяли Монксхэйвен от остальной части суши. Отнюдь нет. Залогом благосостояния сих старинных семей было не самое почетное, но увлекательное ремесло, приносящее богатство целым поколениям некоторых монксхэйвенских родов.

Магнатами в Монксхэйвене были те, кто мог похвастать наиболее многочисленными флотилиями китобойных судов. Жизнь родившегося в городке и принадлежавшего к сему социальному классу юноши в целом сводилась к следующему: он поступал в обучение на корабль, принадлежавший одному из крупных судовладельцев — возможно, его собственному отцу — вместе с парой десятков или даже бóльшим числом ровесников. В летние месяцы они отправлялись в плавание в Гренландское море, а ранней осенью возвращались оттуда с грузом; зиму юноша проводил, следя за вытапливанием жира из ворвани и осваивая навигацию под началом какого-нибудь чудаковатого, но опытного учителя, полунаставника, полуморяка, приправлявшего уроки рассказами о буйных похождениях своей юности.

В мертвый сезон, длившийся с октября по март, жилище судовладельца, к которому юноша поступал в обучение, становилось пристанищем для него самого и его одноклассников. Положение юношей в этом доме зависело от того, какая сумма была уплачена за их обучение; одни считались ровней хозяйским сыновьям, другие стояли ненамного выше слуг. А вот на борту судна все были равны и возвыситься над остальными можно было лишь благодаря смелости и уму. Совершив определенное число плаваний, монксхэйвенский юноша мог дослужиться до капитана — ранга, дававшего ему долю в прибылях с продажи груза; если ему не повезло родиться сыном судовладельца, деньги эти, равно как и его собственные

сбережения, шли на постройку собственного китобойного судна. Ко времени написания этой книги разделение труда в монкскхэйвенском китобойном промысле почти не было. Один и тот же человек мог владеть шестью-семью китобойными судами, каждым из которых мог самостоятельно командовать благодаря своему образованию и опыту, иметь пару десятков учеников, кои не скупилась на оплату, и являться собственником топлилен, куда доставлялись ворвань и китовый ус для последующей продажи. Стоит ли удивляться, что судовладельцы подобного рода накапливали большие состояния, позволявшие им возводить на южном берегу реки Ди величавые, роскошно обставленные особняки, и что весь городок создавал впечатление чего-то плавучего — даже в большей мере, чем это бывает с морскими портами? Жизнь его обитателей зависела от китобойного промысла, и каждый мужчина здесь был или надеялся стать моряком. Бывали месяцы, когда в низовьях реки стоял смрад, невыносимый для всех, кроме жителей Монкскхэйвена; местные же старики и дети слонялись по грязным причалам часами, так, словно запах китового жира был для них чудеснейшим из благовоний.

Впрочем, хватит рассказывать о самом городе. Как я уже упоминала, на милях вокруг него раскинулись топи; над морем возвышались фиолетовые утесы, чьи вершины устилал дерн, тянувшийся вниз по склонам подобно травянистым прожилкам. То тут, то там сквозь каменистую породу пробивались впадавшие в море ручьи; за многие века их течение образовало довольно широкие долины. В долинах этих, как и в болотных лощинах, царствовала буйная растительность; взобравшись на голую вершину, вы содрогались от вида распростершейся вокруг пустынной глуши; однако стоило вам спуститься в одну из таких «низин», как вас охватывало чарующее ощущение уюта и защищенности.

И все же за пределами этих немногочисленных плодородных долин болота простирались на многие мили: безрадостный пейзаж с видневшимися то тут, то там вкраплениями красного песчаника среди редкой травы; через болота тянулась не такая уж безопасная бурая тропа из торфа и грязи, по которой можно было срезать путь; песчаные возвышенности устилал пурпурный вереск, одно из самых распространенных растений этого семейства, произрастающий в прекрасной глухомани. Кое-где землю покрывала сочная, пружинящая трава, на которой паслись маленькие овцы с черными мордами; виной ли тому столь скудный корм или же причина заключалась в их поистине козлиной прыти, однако овцы эти были слишком тощими для того, чтобы заинтересовать мясника, а их шерсть — слишком низкокачественной, чтобы приносить доход владельцам. В таких местах и в наше-то время мало кто живет, а в прошлом веке, до того, как сельское хозяйство стало делом, способным благодаря науке бороться со скудными болотистыми почвами, и до появления железных дорог, позволивших съезжаться охотникам из других краев, благодаря чему каждый год возникал сезонный спрос на жилье, тамошнее население было еще малочисленнее.

В долинах возвышались старинные каменные усадьбы, а на болотах то тут, то там стояли убогие фермерские домишки, во дворах которых виднелись стога никудышного сена и большие кучи торфа, служившего зимой для обогрева. На окрестных полях пасся скот, принадлежавший владельцам этих жилищ; коровы выглядели тощими, однако, как и у упомянутых ранее черномордых овец, в их мордах было что-то странно умное, непохожее на безмятежно-тупое выражение, столь присущее откормленным животным. Заборы представляли собой каменные стены с дерном у основания.

Немногочисленные зеленые долины были довольно изобильны и плодородны. Тянувшиеся вдоль ручьев узкие луга, казалось, могли накормить коров сочной травой, а вот редкая поросль на возвышенностях едва ли стоила усилий, затраченных на ее поиски. Впрочем, даже в «низинах» непрестанно дувшие с моря пронзительные ветра не позволяли деревьям расти; и все же подлесок там был довольно густым; он рос вперемежку с ежевикой, шиповником и жимолостью; если же жена или дочь фермера, жившего в одной из этих вполне счастливых долин, увлекалась садоводством, то с западной или южной стороны грубого каменного дома было немало цветов. Впрочем, в те времена садоводство в Англии было не слишком популярно, а в северной части страны не обрело популярности до сих пор. Знать и джентльмены выращивают красивые сады, но вот фермеров и поденщиков к северу от Трента все это, уж поверьте, интересует мало. Несколько ягодных кустов, пара кустарников черной смородины, листья которой кладут в чай, а плоды используют для лечения простуды, грядка картофеля (в конце прошлого века он еще не был распространен так, как сейчас), высаженная в ряд капуста, куст шалфея, мелисса, чабрец, майоран и иногда розовый куст или лечебная полынь; небольшая грядка грубого лука и кое-где ноготки, лепестками которых приправляют бульон из говяжьей солонины; именно так выглядел типичный сад зажиточного фермера тех времен в краю, о котором пойдет речь в моем рассказе. Однако и в двадцати милях от побережья все напоминало о море и морском промысле; негодные в пищу моллюски, водоросли и китовые внутренности шли в этих краях на удобрения; жутковато белевшие гигантские челюсти китов служили воротами для многих полей, обнесенных оградами, отделявшими их от вересковых пустошей. В фермерских семьях, где росло несколько сыновей, один обязательно

становился моряком; можно было увидеть, как матери таких семейств с тоской смотрят в сторону побережья и вслушиваются, не изменится ли тональность свистевшего над пустошами ветра. Традиционным местом для праздничных прогулок также было побережье; вглубь страны местные жители отправлялись крайне редко, исключая разве что время больших конных ярмарок, проводившихся каждый год там, где мрачные пустоши уступали место населенным возделываемым землям.

Что бы ни было тому причиной, однако море в этих краях занимало помыслы даже тех людей, которые жили вдали от побережья, в то время как в других частях нашего острова о соленой воде почти не вспоминали уже в пяти милях от берега. Главной причиной этого, несомненно, был великий промысел у берегов Гренландии, коим жили все прибрежные городки. Впрочем, в описываемый мной период море также служило причиной всеобщего страха и раздражения.

После окончания Американской войны¹ содержание флота не требовало экстраординарных усилий, а потому расходы на него сокращались с каждым мирным годом. В 1792 году эта сумма достигла минимума. Однако в 1793 году во Франции разразились события, пожар от которых запылал по всей Европе; англичане пришли в антигалльское исступление, кое королевский двор и его министры всеми силами старались направить в нужное русло. У нас имелись корабли, но где же были наши люди? Впрочем, у Адмиралтейства тут же нашлось готовое решение, опиравшееся на многочисленные прецеденты и нормы если не статутного, то общего права. Оно выпустило «вербовочные ордера», призывая гражданские власти по всей стране оказывать своим офицерам всяческое содействие в исполнении их долга. Побережье раздели-

¹ Речь идет о Войне за независимость США (1775–1783).

ли на регионы, возглавляемые капитанами военно-морского флота; каждый из таких регионов, в свою очередь, делился на участки, возглавляемые лейтенантами; все возвращавшиеся домой корабли ожидали, каждый порт входил под наблюдением; при необходимости флот его величества в любой момент можно было пополнить большим числом новых рекрутов. Однако чем больше возрастали потребности Адмиралтейства, тем неразборчивее в средствах оно становилось. Если человек не был моряком, но обладал физической силой, моряка из него можно было сделать в два счета; стоило ему оказаться на борту посыльного судна, которое всегда стояло неподалеку в ожидании успеха вербовщиков, и пленнику было очень сложно доказать природу своих прежних занятий, особенно потому, что никто не хотел его слушать, а даже выслушав, не стал бы предпринимать никаких мер для его освобождения. Похищенные люди исчезали, и никто никогда о них больше не слышал. Улицы оживленных городов стали небезопасными, в чем на собственном опыте убедился лорд Терлоу, когда во время прогулки по Тауэр-Хилл его, генерального прокурора Англии, насильно завербовали. У Адмиралтейства были свои методы борьбы с надоедливymi жалобщиками и истцами. Одинокие обитатели внутренних районов острова подвергались не меньшей опасности: немало сельских жителей, отправляясь на статутные ярмарки¹, именовавшиеся в народе «швабрами», так никогда оттуда и не возвращались, чтобы сообщить родным о своем найме; немало крепких фермеров не вернулись к отцовскому очагу, о многих из них больше не слышали их матери и возлюбленные. Такова была нужда в новых рекрутах в первые годы войны с Францией и после каждой значимой морской победы в той войне.

¹ Ярмарки, где слуги могли наняться на работу.

Служащие Адмиралтейства устраивали засады на грузовые и торговые суда; было немало случаев, когда возвращавшиеся домой после долгого отсутствия корабли с богатым грузом брали на abordаж в нескольких днях пути от суши, после чего из их команды насильно вербовали так много людей, что управлять столь тяжело нагруженным кораблем становилось просто невозможно и его уносило обратно в бескрайний океан; случалось, такие суда находили под управлением пары слабых и несведущих матросов, а бывало, о них никогда больше не слышали.

Моряков забирали из-под носа у родителей и жен и часто лишали денег, заработанных тяжким многолетним трудом, — они оставались в распоряжении торговцев, которым служили эти люди. Сегодня подобная тирания (иного слова я подобрать просто не могу) кажется нам немыслимой; сложно представить, что нация, пусть даже охваченная воинственным энтузиазмом, боявшаяся вторжения или исполненная подобострастного верноподданничества, мирилась с этим так долго. Когда мы читаем о том, как армию призывали в помощь гражданским властям для проведения насильственной вербовки, о патрулировавших улицы солдатах, о дежуривших у двери часовых со штыками, пока вербовщики обыскивали в доме каждую щель, каждый угол, когда слышим о том, как церкви окружали во время богослужений, пока вербовщики ждали у порога, чтобы схватить выходящих со службы прихожан, и понимаем, что все это — совершенно типичные примеры того, что происходило повсеместно, мы волей-неволей перестаем удивляться жалобам лорд-мэров и прочих представителей гражданских властей на то, что торговая деятельность почти прекратилась из-за опасности, которой торговцы и их слуги подвергались, выходя из своих домов на улицы, кишевшие вербовщиками.

Была ли причиной тому бóльшая близость к метрополии — политическому и новостному центру, — наполнявшая жителей южных графств той разновидностью патриотизма, что зиждется на ненависти ко всем прочим странам, гораздо больший риск быть пойманным в южных портах, приучивший команды торговых судов к чувству опасности, или же привычное для городов вроде Портсмута или Плимута восприятие службы на флоте как чего-то романтического и открывающего путь к славе, однако правда заключается в том, что южане приняли гнет насильственной вербовки с большей покорностью, чем дикие обитатели северо-востока. Для них доходы, не связанные с китобойным промыслом в открытом море или у берегов Гренландии, превращали моряка в личность презренную, ведь благодаря собственным смелости и расчетливости он мог сам стать судовладельцем. Многим вокруг это удавалось и размывало границы между социальными классами; общее дело и пережитые вместе опасности, выгода, которую каждый получал, достигнув цели, к которой стремился вместе с остальными, — все это создавало между жителями побережья крепкие узы, и попытки внешних сил разорвать их вызывали пламенный гнев и жажду мести. Один йоркширец как-то сказал мне: «У нас в графстве все одинаковы. Сопротивляться — в нашей природе. Почему? Да потому, что, услышь я, как кто-то говорит, что денек хороший, я тут же попытаюсь найти доказательства того, что на самом деле он скверный. У нас это в мыслях, словах и делах».

Можете себе представить, как нелегко приходилось вербовщикам на йоркширском побережье. В других местах они вызывали страх, здесь же — лишь ярость и ненависть. 20 января 1777 года лорд-мэра Йорка предупредили в анонимном письме, что «если этих людей не отошлют прочь из города до следующего вторника, то и жилище, и имение его светлости будут сожжены дотла».

Возможно, такая враждебность отчасти объяснялась обстоятельством, которое мне довелось приметить и в иных местах, расположенных сходным образом. Там, где владения джентльменов, происходивших из древних родов, однако не имевших больших доходов, окружают центр прибыльной торговли либо производства, помещики испытывают скрытую неприязнь к купцам, будь те производственниками, торговцами или судовладельцами, в чьих руках сосредоточена сила денег, не ограниченная дворянской спесью или джентльменской любовью к ничегонеделанью. Неприязнь эта, по правде говоря, носит большей частью пассивный характер, выражаясь обычно в безмолвии и бездействии, эдаком апатичном и жеманном игнорировании неприятных соседей; однако в последние годы описываемого мной периода монксхэйвенские китобои стали столь дерзко и бесцеремонно успешными, а монксхэйвенские судовладельцы — столь богатыми и влиятельными, что сквайры, ведущие праздную жизнь в своих старинных каменных поместьях, разбросанных по окрестным вересковым пустошам, решили, что узда, коей насильственная вербовка должна была стать для монксхэйвенской торговли, являлась замыслом высших сил (насколько высшими, по их мнению, были эти силы, я предположить не берусь), призванным замедлить богопротивное обогащение, и что они лишь исполняли свой долг, используя свое положение в обществе для содействия Адмиралтейству всякий раз, когда их об этом просили и когда они могли оказать подобное содействие, не прилагая чрезмерных усилий в вопросах, которые их по большому счету не касались.

Наиболее расчетливые члены семейств, где было несколько дочерей, руководствовались также еще одним соображением. Командовавшие вербовкой капитаны и лейтенанты слыли в большинстве своем завидными женихами благородной профессии; они были по меньшей

мере весьма приятными гостями, которые могли заглянуть на огонек, когда у них выдавался свободный день, и кто знал, чем закончится подобный визит?

Да и отношение к этим бравым воинам в самом Монкхэйвене нельзя было назвать неприязненным, исключая моменты, когда они вступали в прямую конфронтацию с местными жителями. Офицеры отличались подкупающей прямолинейностью, присущей людям их профессии, были известны участием в делах, одно упоминание о которых до сих пор способно согреть сердце любого квакера, и не слишком гордились своей причастностью к грязной работе, которая велась с их молчаливого согласия. Потому, в то время как мало кто из жителей Монкхэйвена проходил мимо приземистого трактира с развевающимся над ним синим флагом (знаком того, что заведение являлось местом сбора вербовщиков), не сплунув в знак отвращения, большинство из них, встречая на Хай-стрит лейтенанта Аткинсона, коротко кивали ему в знак уважения. Касаться края шляпы в тех краях было не принято, а вот чудной полупоклон служил знаком дружеского расположения. Судовладельцы иногда приглашали лейтенанта на обед или на ужин, однако, памятуя о том, что он в любой момент мог превратиться во врага, не собирались позволять ему чувствовать себя «как дома», сколько бы незамужних дочерей у них ни было. И все же благодаря тому, что лейтенант умел рассказывать увлекательные истории, был способен перепить почти кого угодно и всегда с радостью навещался в гости, в Монкхэйвене к нему относились лучше, чем можно было предположить. Основная доля ненависти, вызываемой деятельностью Аткинсона, доставалась его подчиненным, коих в народе считали гнусными похитителями и согластатаями и называли «вредителями»: вербовщики в любое время готовы были охотиться на местных и всячески им досаждают, совершенно не беспокоясь о том, что о них

думают. Уж в чем в чем, а в трусости их нельзя было упрекнуть. За ними стоял закон, а значит, и их деятельность была законной. Они служили королю и стране. Эти люди пускали в ход все свои возможности, что всегда приятно. Перехитрить другого — дело славное и позволяющее почувствовать триумф. Их жизнь была полна приключений, а работа — законна и угодна короне, требовала ясного ума, готовности действовать и смелости; вдобавок каждому присуща страсть к преследованию. Милях в четырнадцати-пятнадцати от берега на рейде стояла «Аврора», славный военный корабль, на который несколько посыльных судов, расположившихся в наиболее стратегически выгодных точках вдоль побережья, свозили живой груз. Одно из них, «Бойкую леди», можно было заметить с возвышавшихся над Монксхэйвеном скал: корабль стоял недалеко от берега, однако скрывавший его высокий мыс позволял судну не попадать в поле зрения горожан. А еще был «Рандеву-хаус» (так местные прозвали уже упоминавшийся трактир с синим флагом), где заседала команда «Бойкой леди», приглашавшая неосторожных путников пропустить стаканчик. На то время деятельность вербовщиков этим и ограничивалась.